

8. ДОНСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА. БРЕСТСКИЙ МИР

8.1. ПЕРВЫЕ ДНИ. СТРУКТУРА ВЛАСТИ. РЕПРЕССИИ

А.Р. Колли

поряжении Атамана Назарова, в разы².

Поэтому, когда утром 12(25) февраля на переговоры в Ростов прибыла делегация Малого круга, возвратившийся из Батайска Антонов-Овсеенко не стал уклоняться от встречи. Делегаты заявили, что готовы удалить из Области добровольцев, членов Временного правительства «и других контрре-

С утра 11(24) февраля¹ части Сиверса стали продвигаться от окраин к центру оставленного Добровольческой армией Ростова. Сопrotивления им никто не оказывал. «К вечеру 24-го, – пишет Антонов-Овсеенко, – Ростов был прочно занят». Между тем Саблин о продвижении к Новочеркасску не сообщал. Оценка советским командованием сил противника превышала действительное количество штыков и сабель, оставшихся ещё в распоряжении Атамана Назарова, в разы².

А.М. Назаров

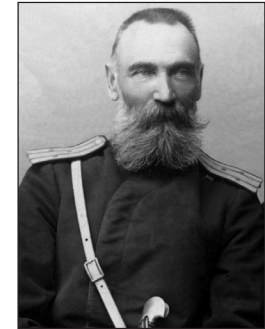
¹ В 1918 г. декретом СНК в России был введён Григорианский календарь, согласно которому вслед за 31 января наступало сразу 14 февраля. Здесь и далее, начиная с 1 февраля 1918 г., указаны даты, как по старому, так и по новому (в скобках) стилю, до 1 февраля – по старому стилю.

² «Походным движением отряд Сиверса так переутомлён, что ещё на сутки нуждается в отдыхе, – телеграфировал Антонов-Овсеенко Саблину. – Собразуйте с этим ваше движение. Сведения от вас не приходят и это крайне скверно, ибо согласованность совершенно необходима...»

В Новочеркасске – до семи, если не до 12 тысяч, способных к борьбе...»

волюционеров» на следующих условиях:

- прекращение боевых действий и невступление советских войск в Новочеркасск;
- беспрепятственный созыв Краевого съезда из представителей всего населения Дона, выбранных на основе всеобщего и равного избирательного права;
- возможность формирования казаками дружин самообороны;
- участие Донского ВРК в работе Круга путём посылки своих представителей.

К.Я. Усачёв

Столь серьёзные требования, выдвигаемые людьми, уже, как представлялось, проигравшими своё дело, весьма встревожили Антонова-Овсеенко. Он решил немедленно выехать через Таганрог и Никитовку к Саблину и на месте выяснить обстановку. В Смольный Командующим была отправлена следующая телеграмма:

«Из Таганрога № 920, 26/II – 1918 г. Вчера прибыла в Ростов делегация

Исаев

Малого Войскового Круга Войска Донского в составе Кодорова, Планшена, Аресьева, Иванова и Карасёва³. Эта делегация предложила советским войскам прекратить военные действия и не входить в Новочеркасск, допустить беспрепятственно созыв Краевого съезда из казачества и остального населения Области. Со своей стороны, Малый Круг обязывается потребовать немедленного ухода из Донской Области добровольческой

П.М. Груднев

³ Антонов-Овсеенко допустил неточность. Кругом в Ростов были посланы полковник И.Ф. Быкадоров, Планидан, Харсеев, Иванов и М. Карасёв.

Н.А. Ромм

армии и её Штаба, обязуется выслать из Области всех членов б. Временного Правительства, но оговаривает возможность беспрепятственно оставаться на Дону казакам из казачьих дружин. Приглашает нас послать делегацию в Новочеркасск. На мои вопросы о политической платформе Малого Круга – ответили, что она ещё лишь определяется, что Круг лишь по недоразумению вынес резолюцию о борьбе с советскими войсками, так как полагал, что эти войска посягают на самостоятельность Дона. Лишь

Краевый съезд определит отношение казачества. Центральным вопросом является вопрос об автономии Дона с правом самостоятельности разрешения земельного вопроса. Я не дал окончательных обещаний, заявив, что военные действия в районе Ростова прекратить не могу, так как Корниловские войска сосредоточены в его окрестностях, об остальном дам ответ после совещания с вами⁴. Прошу немедленно дать указания, лучше всего будет снести с казачьим отделом Ц.И.К., послать от него представителей надо...

И. Тарарин

Я должен дать им ответ в течение двух суток. Поспешите с указаниями... 12.00. Нарком Антонов».

⁴ Несколько иначе трактует достигнутые договорённости один из членов делегации М. Карасёв. Вот что он пишет: «...Антонов обещал по прямому проводу переговорить с комиссарами, как ему быть в виду наших переговоров и не согласятся ли комиссары вести с нами переговоры об очищении Донского края от красной армии? Переговоры должны были вестись в Петрограде, куда нашей делегации должен быть предоставлен свободный пропуск.

Ответ Антонов обещал сообщить через день, для чего мы должны были оставить одного из нас в Ростове или прислать за ответом отдельное лицо.

Желая уведомить круг о результатах наших переговоров, мы решили поспешить в Новочеркасск. Утром... мы пришли в штаб за пропусками и здесь нам объявили, что Голубов со своей армией занял Новочеркасск...» (Донская волна № 7 от 22.07.18.).

В Сулине Командующий узнал, что Саблин со штабом направился к Новочеркасску, из чего заключил, что столица Дона уже занята. Вечером 14(27) февраля его эшелон прибыл в Новочеркасск. Антонов-Овсеенко проследовал в Атаманский дворец, где комендант города Медведев ознакомил его с подробностями занятия города и с положением дел. Оно представлялось весьма устойчивым. Город затих. Обыватели без нужды на улицы старались не выходить. Не слышно было и стрельбы.

Е.А. Волошинов

Саблина в Новочеркасске уже не оказалась. Он убыл на бронелетучке в Ростов. Не задерживаясь, направился вслед за ним и Антонов-Овсеенко. За два дня его отсутствия ситуация в городе успела накалиться. Выезжая к Саблину, Антонов-Овсеенко утвердил военным комиссаром Войцеховского⁵. Но к этому времени в

⁵ Ему была оставлены следующие директивы:

«Тов. Войцеховскому. Вам надлежит, прежде всего, опубликовать сообщение об объявлении Ростова и Нахичевани на военном положении от моего имени. Объявление Ростова и Нахичевани на военном положении утверждаю. Военным комиссаром назначается тов. Войцеховский, Нарком и.т.д. Затем, с разработанной программой обратитесь в В.Р.К. и предложите совместную работу на основе этой программы. Если не захотят, то ищите других, кто захочет, из представителей партии большевиков и левых эс-эров. А эта программа должна быть примерно такова:

- 1) Оружие отбирается у всех, кто не является красногвардейцем, не подчинённым В.Р.К. или нашим отрядным начальникам или солдатам нашей армии.
- 2) Все остальные должны оружие сдать под угрозой ареста и Ревсуда.
- 3) На оружие выдаётся В.Р.К. специальное разрешение.
- 4) Обыски и реквизиции только по разрешению военного комиссариата, отрядные начальники действуют также только с разрешения В.Р.К.
- 5) Грабители объявляются вне закона и убиваются на месте.
- 6) У спекулянтов имущество конфискуется и суд – низшее наказание (наименьшее) городские работы по очистке улиц и.т.д.
- 7) Все грязные увеселительные заведения обыскиваются, закрываются и их помещения конфискуются для детских школ, под клубы и.т.д.
- 8) Все винные склады, кроме технических и врачебных, каковые передаются под надлежащую охрану и в заведывание ответственных органов, уничтожаются.

Ростове уже существовал вновь созданный 12(25) февраля городской Военно-революционный комитет⁶. И Антонов-Овсеен-

9) Тот, кто спаивает, объявляется вне закона и, как провокатор, истребляется на месте. Торговцы водкой идут под суд, имущество их конфискуется, как и их заведения.

10) Городская дума распускается, вместо неё – продовольственная, жилищная, лечебно-санитарная, культурно-просветительная Комиссии из представителей сведущих лиц под контролем членов В.Р.К.

11) Все товары берутся на учёт, все крупные торговые фирмы – под контроль служащих, цены – без прибыли только покрывающие издержки; фабрично-заводские предприятия под рабочий контроль; проводится прекращение квартирной платы мало имущими жильцами – нормы устанавливаются по соглашению, порожняки и просторные жилые помещения конфискуются и проводится уравнильное пользование квартирами; муниципализация аптек и медицинских магазинов, бесплатная врачебная помощь.

Банки национализуются. Золото и серебро – в Государственный Банк, который – под строгий контроль, выдача только через Комиссара.

Особая комиссия содействует Совету для составления маршрутных поездов и т.д.

При просветкомиссии совета создаётся группа лекторов для занятия в клубах, руководителей для занятий с детьми и т.д.

Особо – Издательская Комиссия для издания революционной газеты и вообще революционной литературы.

12) Особая судебная комиссия, под председательством назначенного В.Р.К. лица, ведёт список *заведомых контрреволюционеров*, конфискует их имущество, их обезвреживает.

13) Все газеты, кроме органа В.Р.К., – закрываются.

14) *Совет распускается* и назначаются новые выборы.

15) Вводится обложение городским налогом всех имущих, возрастающее до полной конфискации у контрреволюционеров.

16) Все городские служащие удовлетворяются содержанием на основании норм, выработанных их союзом и согласно требованиям большевистской муниципальной программы.

17) Комитет общественной безопасности арестовывается, созданная им армия разоружается, как и домовые комитеты.

18) В музей все исторические редкости, в Государственный банк все драгоценности – конфискации в пользу государства, – *предлагается всё сдать добровольно*.

Далее вы содействуете организации Ростовского революционного полка, взяв офицеров от 3-го Латышского полка и солдат по преимуществу из бывших на фронте. Это, конечно, далеко не всё – организация, вместо милиции, красной гвардии для охраны революционного порядка, организация Революционного Суда и т.д.

Антонов. 25/II – 1918 г.»

⁶ Председатель П.П. Жук, секретарь М.И. Равикович. Комендантом дома Военно-революционного комитета был назначен Ф.М. Зявкин, комиссаром по

ко не только не разграничил полномочия между двумя органами едва лишь устанавливающейся власти, но и заявил о приоритете военных.

В итоге занятые позиции и интересы городского ВРК, представлявшего Ростово-Нахичеванский Совет и создаваемую Красную гвардию⁷, и аппарата военного комиссара, действовавшего от имени армии, не просто не совпадали, но и противоречили друг другу. Взаимодействия не получилось. Напротив, с первых же шагов возникли трения, грозившие перерасти в серьёзный конфликт⁸.

В пространной «предварительной программе» весьма расплывчатыми оказались детали. Так предлагалось обезвредить и конфисковать имущество «заведомых контрреволюционеров», но кто подпадал под это определение, не уточнялось. Не приходилось говорить и о каком-либо контроле проводившихся обысков и реквизиций. Милиции поначалу не существовало. Малочисленная Красная гвардия, пытавшаяся взять на себя её

охране города – Винберг. В числе прочих была образована и комиссия по налогам в составе С.А. Дунаевского, М.Е. Власова и Орлова. Уже 14(27) вышел № 1 газеты «Известия Ростово-Нахичеванского ВРК».

Не пожелал переизбираться и Совет. 14(27) февраля экстренное объединённое собрание Ростово-Нахичеванского Совета и фабричных комитетов приняло резолюцию, в которой в частности говорилось: «Всёцело признавая власть Совета Народных Комиссаров и стоя на платформе Советской власти, Ростово-Нахичеванский Совет рабочих и солдатских депутатов объявляет, что отныне *вся полнота власти в Ростове и Нахичевани принадлежит только ему*».

⁷ Вскоре численность Ростовской Красной гвардии возросла до 1500 человек. Это была внушительная сила, с которой приходилось считаться.

⁸ «Работавшие в подполье большевики, – пишет И.П. Борисенко, – организовали Военно-Революционный Комитет, как только белые ушли из города.

Военно-Революционный Комитет гор. Ростова для управления жизнью города организовал комиссии: охраны, комендантскую, связи, санитарную, налоговую.

Развернуть работу ВРК не удалось. Начались недоразумения с появившейся новой властью в лице Войцеховского, присланного в качестве военного комиссара Донской области штабом Главкома Антонова-Овсеенко. Войцеховский прибыл в Ростов с программой работ, полученной в штабе Армии, и с директивой жестокого проведения программы в жизнь, а *также роспуска Ревкома, если он будет возражать против программы...*

Войцеховский повёл работу через голову Ревкома. Начались скандалы. Одна власть угрожала другой...»

функции, поддерживать правопорядок даже в минимальном объёме была не в состоянии.

Всё это способствовало как активизации уголовных элементов, использующих создавшуюся ситуацию в целях личного обогащения⁹, так и многочисленным, ничем не обоснованным убийствам и проявлениям самосуда. «...начались произвольные обыски и аресты, – говорится в материалах дел созданной впоследствии Деникиным Особой комиссии, – первоначально в поисках офицеров и партизан, а затем под предлогом розыска оружия. Красноармейцы и неизвестные личности обходили квартиры и обыскивали живущих без соблюдения каких-либо формальных гарантий и предъявляя лишь в отдельных случаях мандаты за подписью комиссара, кратко гласившие, что «товарищу такому-то разрешается производить обыски и аресты».

Расстреливали прямо на улице офицеров и юнкеров. Расстреливали всех, кто находился в Добровольческой армии и не ушёл с Корниловым¹⁰. Находили и расстреливали, невзирая

⁹ Борьба с бандитизмом не могла быть действенной, так как налётчиков невозможно было отличить от комендантских команд. Все имели на руках мандаты и были отлично вооружены. По свидетельству И.А. Полякова в Новочеркасске власти вынуждены были хоть как-то упорядочить систему проведения обысков. Домовладельцам и квартальным старостам стали выдавать на руки квитанции, подтверждающие, что обыск у них уже произведён и от последующих они освобождаются.

Дело дошло до того, что 18 февраля (3 марта) комиссар г. Таганрога вынужден был издать приказ о борьбе против самочинных арестов и обысков.

¹⁰ 14(27) февраля до 50 матросов и солдат-красногвардейцев прибыли на подводах к лазарету № 1 в Новочеркасске, где находились 100 раненых и больных добровольцев и партизан. Более сорока человек вынесли на носилках на мороз, вывезли за город и казнили. Остальные либо были спрятаны персоналом, либо откупались.

«Уже с раннего утра, – пишет И.А. Поляков, – на улицах появились отдельные кучки вооруженных солдат и рабочих. Предводительствуемые прислугой (кухарки, горничные) или уличной детворой, за награду 1–2 рубля, указывавших дома, где проживали офицеры и партизаны, красные палачи врываются в эти квартиры, грубо переворачивали всё, ища скрывавшихся. Несколько раз я лично видел, как несчастных людей, в одном белье, вытаскивали на улицу и пристреливали здесь же... Сотнями расстреливали детей, гимназистов и кадет, убивали стариков, издевались над пастырями церкви, беспощадно избивали офицеров...»

По данным С.В. Денисова с 13(26) февраля по 1(14) апреля 1918 г. на Дону

на возраст, учащихся и семинаристов, бывших у Чернецова¹¹. Но известны случаи, когда убивали «за буржуйский вид», за интеллигентную речь, за выраженное недовольство, за принадлежность к партии конституционных демократов. Чаще всего расстреливали не активных противников Советской власти, а первых подвернувшихся под руку¹². И в этом смысле

было убито до 500 офицеров (из них 14 генералов, 23 полковника, 292 кадровых офицера).

Возможно, эти цифры несколько преувеличены. Возможно, впрочем, и нет.

Следует отметить, что подобная весьма недалёковидная политика проводилась, пусть в меньших масштабах, практически на всей территории контролируемой Советской властью. «На местах, – вспоминал М.Д. Бонч-Бруевич, – происходили частые, сплошь и рядом ненужные сборы и «регистрации» бывших офицеров, практиковались нередко ничем не вызванные аресты и обыски у людей, единственная вина которых перед революцией заключалась в том, что, находясь в царской армии и имея соответствующее образование, они носили офицерские погоны».

Эта неприятная тема требует особого разговора и весьма осторожного к себе отношения. В то же время, не затронув её, невозможно и понять, отчего в феврале 1918 г. донские казаки в подавляющем большинстве сохраняли нейтралитет, а уже в марте-апреле выступили против Советов.

¹¹ В конце февраля (середине марта) в Персиановке расстреляли прямо на улице шестерых подростков-партизан. Всем им было от 14 до 18 лет. Подобные случаи имели место и в Ростове, и в Новочеркасске.

¹² В изданном в 1929 г. сборнике «Памяти погибших» можно найти следующие строки: «Во всякой большой политической партии активные политические борцы составляют меньшинство. Партия Народной Свободы в этом отношении не составляла, конечно, исключения. Большинство её членов, в особенности провинциальных, принадлежало к людям другого склада. Это были научные работники, судебные деятели, деятели земских и городских самоуправлений. Политика не была их профессией. Оказавшись под властью большевиков, они продолжали по мере сил работать каждый в своей области, спасая культурное достояние России... Если они боролись с большевиками, то не столько на политическом, сколько на культурном фронте. По самому характеру своей деятельности они не должны были и не могли скрываться. А многим и в голову не приходило, что жизни их угрожала опасность».

...среди жертв... такие люди – видные или скромные культурные работники – составляют подавляющее большинство. Особенно много погибло их в первый, анархический, период большевистской власти, когда... пачками расстреливали людей только за то, что они «буржуи», «кадеты», или «контрреволюционеры», – клички, часто не имеющие никакого внутреннего содержания. Название «кадеты», ассоциировавшееся... с представлением о военных, участниках гражданской войны, сыграло роковую роль в трагической судьбе многих наших товарищей по партии...»

показательным является бессмысленное и вызвавшее заметный резонанс убийство профессора Донского университета А.Р. Колли.

В 1915 г. в Ростов был эвакуирован Варшавский университет, одним из профессоров которого и являлся Колли. Уже тогда он был известен в научных кругах как крупный учёный-физик¹³. В 1917 г. прошёл в Городскую думу по списку партии кадетов. Будучи администратором Университета, не допускал «революционных» нововведений, за что, в конечном счёте, и полатился.

Едва Ростов был занят, один из служителей Физического кабинета, не поладивший в своё время с Колли, подошёл к группе солдат и предложил пойти и расправиться с «царским профессором». Собралась толпа и тут же проследовала к домику на Пушкинской улице, в котором проживал Колли с женой и двумя детьми. Профессора вывели на улицу, но когда он назвал себя, солдаты несколько смутились и заявили, что пришли лишь произвести обыск. Колли не был по складу характера борцом. Скорее по привычке, не осознав ещё, что о самом понятии «правопорядок» на время приходится забыть, профессор потребовал предъявить соответствующий документ.

Это и решило его судьбу. Выбегавшую жену оттащили в сторону, Колли подвели к стене его же дома и расстреляли. Лишь через несколько дней близким было разрешено похоронить покойного. По свидетельству В.Ф. Зеелера профессора в городе знали и любили. Проводить его в последний путь пришли десятки, если не сотни, людей. Власти не препятствовали...

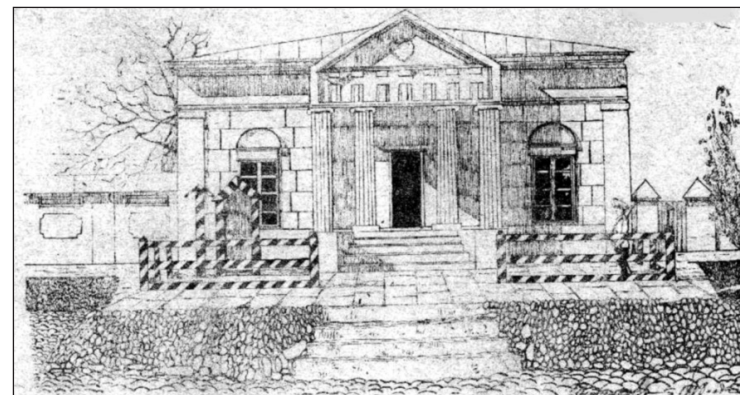
С первых же дней раскрутился и маховик «узаконенных» репрессий. Войцеховский оказался целеустремлённым, убеждённым в своей правоте, но, в то же время, абсолютно нетерпимым и весьма амбициозным человеком. Главным в своей деятельности на должности военного комиссара он считал борьбу «с контрреволюционерами». Проводилась она энергично и целена-

¹³ При защите в Московском университете одной из первых своих работ Колли получил сразу докторскую степень, минуя степень магистра.

правленно, на снисхождение и правовую защиту рассчитывать никому не приходилось. И даже после того, как части Саблина и Сиверса ушли с Дона в Украину, и власть более-менее окрепла и устроилась, карательные органы без труда находили себе работу. Количество расстрелов сократилось, но из повседневной практики они так и не исчезли.

Апофеозом же явилась гибель Атамана А.М. Назарова. Арестованный Голубовым, он вместе с Е.А. Волошиновым был прямо с заседания Круга препровождён на Новочеркасскую гауптвахту¹⁴. Назаров был помещён в комнату № 10. Первые несколько дней её делил с ним Донской Архиерей, но вскоре священника выпустили и Атаман остался в камере один.

Двери не запирались, заключённые офицеры, которых было несколько десятков, могли в любое время выходить в коридор и переговариваться друг с другом. Не упускал возможности пообщаться с товарищами по несчастью и Назаров. Караульную службу несли попеременно казаки 10-го и 27-го Донских полков. «В обращении с арестованными, – пишет Бугураев, – они были всегда внимательны и вежливы, и, по-видимому, чувство-

Новочеркасская гауптвахта (рисунок)

¹⁴ О пребывании Атамана Назарова на Новочеркасской гауптвахте рассказывает М.К. Бугураев (Родимый край, № № 33, 78–79), который был задержан и препровождён туда же 13(26) февраля.

вали какую-то неловкость, что были принуждены своих же боевых офицеров, с которыми на фронте делили и горе и радость, которых никогда не бросали ранеными на поле боя, вынося их, рискуя своей жизнью. Охрану арестованных солдатам-большевикам казаки передавать не соглашались¹⁵. Караулы сменялись каждый день в 12 ч. дня и Атаман Назаров всегда имел новых слушателей...»

Как видно, условия содержания были вполне терпимыми. И то, что казаки караула не просто заговаривали с арестованными, а обступали в коридоре того же Назарова и весьма благосклонно выслушивали его призывы беречь донских офицеров, которые «ещё пригодятся», говорит о многом.

«Облегчённый»¹⁶ режим послужил поводом к следующему инциденту. На гауптвахту, как на экскурсию, пропускали в первые дни желающих посмотреть на арестованных, олицетворявших собой старую власть. Один из таких посетителей, матрос-красногвардеец, позволил себе выругаться. Немедленно Назаров потребовал к себе начальника караула. Подошёл урядник. Взяв под козырёк, стал по стойке «смирно».

– Как вам, казакам, не стыдно! – обратился к нему Назаров таким тоном, будто отчитывал подчинённого и отдавал приказ. – Пускаете сюда большевиков, а они здесь ругаются. Ругают и вашего выборного Атамана. Не им судить меня. Если надо – судите вы, казаки... Убрать этого мерзавца отсюда и больше... сюда не пускать...»

Пристыженный матрос поспешил ретироваться ещё до того, как Атаман закончил говорить. Урядник же выслушал всё совершенно спокойно, сказал лишь: «Слушаюсь...» Повернулся кругом и удалился.

14(27) февраля гауптвахту посетили Голубов с Медведевым. Назаров, находившийся в коридоре, заметив их, круто развер-

¹⁵ Видимо, не соглашались сменить выставленный ими казачий караул всё же Голубов и Смирнов.

¹⁶ Казачий караул допускал, конечно, определённые послабления. Но вместе с тем арестованных власти питанием не обеспечивали. Еду им передавали родственники. С теми, кто в городе родных и знакомых не имел, делились все остальные.

нулся, проследовал в камеру и закрыл за собой дверь. Медведев поинтересовался, кто это? Голубов ответил. Видимо, его задело, что Атаман демонстративно общаться с ним не пожелал. Тут же он вызвал и отчитал начальника караула.

– Комнату закрыть и всё время держать его под замком, – приказал он¹⁷. К Назарову новое начальство так и не зашло. Лишь Медведев приблизился к двери, заглянул в незастеклённую щель и тут же отошёл. Они продолжили обход. Голубов опрашивал задержанных офицеров: «Чин? За что и при каких обстоятельствах арестован?» Медведев больше молчал.

В тот день в городе задержали отца Бугураева, полковника в отставке. Его препроводили на гауптвахту и поместили вместе с сыном. Голубов подошёл к старику, спросил, кто он? Услышав ответ, повернулся к младшему Бугураеву¹⁸, которого знал с 1915 г., и уточнил:

– Ваш отец?

– Да...

– Сволочи! Таких стариков арестовывают! – рассердился Голубов и, покосившись на Медведева, приказал. – Выпустить немедленно!

Полковника тут же вывели и отпустили. Медведев при этом не сказал ни слова. Больше Голубов никого не освободил¹⁹. Закончив опрос, осмотрев подвальное помещение, где среди многочисленных арестованных находились и несколько женщин, оба они покинули гауптвахту.

Поздним вечером 18 февраля (3 марта)²⁰ арестованным было приказано разойтись по камерам и в коридор не выхо-

¹⁷ Комнату заперли, но едва Голубов покинул гауптвахту, начальник караула тут же открыл дверь, оставив висеть на кольце разомкнутый замок.

¹⁸ Они знали друг друга с 1915 г., но не близко, так как вместе не служили.

¹⁹ На следующий день на гауптвахту был доставлен ещё один офицер, есаул в отставке, фамилию которого Бугураев не называет. Пропуска для свиданий с арестованными выдавал лично Смирнов, штаб которого располагался в Атаманском дворце. Когда жена задержанного офицера обратилась к нему с просьбой выдать разрешительный документ, Смирнов тут же прибыл на гауптвахту и распорядился выпустить есаула. Это был командир сотни 12-го Донского полка, в которой Смирнов служил в своё время под его командой.

²⁰ Эта дата определена Особой комиссией при Главнокомандующем ВСЮР. Бугураев и Поляков называет другую дату – 17 февраля (2 марта).

дить. На гауптвахту прибыл отряд красногвардейцев. Командир предъявил письменное предписание передать двух выборных Атаманов генерала А.М. Назарова и войскового старшину Е.А. Волошинова, а также генералов К.Я. Усачёва²¹, Исаева, П.М. Груднева, подполковника Н.А. Ротта и войскового старшину И. Тарарина для перемещения их в городскую тюрьму²².

Получив прямой приказ, начальник казачьего караула после некоторых колебаний подчинился. Перед тем, как передать означенных арестованных красногвардейцам, он лишь ознакомил Назарова и Волошинова с предписанием²³. В полночь всех семерых передали новому караулу. Сразу же двинулись к окраине. Тюремное здание находилось в то время за городом. Едва последние дома остались за спиной, сошли с тропинки, ведущей к тюрьме, и повернули в сторону Ростовского тракта.

– Куда вы нас ведёте? – спросил кто-то.

– Вестимо куда... – последовал ответ.

Не доходя до Краснокутской рощи, остановились. У первого оврага арестованных выстроили в ряд. Расстрельная команда, состоявшая из не имевших опыта шахтёров-красногвардейцев, всё никак не могла организовать. Суетился без толку и командир.

– Я сам буду командовать! – обратился к ним Назаров. – Вы и убить толком не умеете...

Ему предложили повернуться спиной, но Атаман предпочёл встретить смерть лицом к лицу.

– Раз, два, три... – скомандовал он. – Пли!

²¹ Бывший начальник 5-й Донской дивизии.

²² Обстоятельства казни описаны во многих источниках, и в частности, в статье В. Севского («Донская волна» № 1 от 10.06.18). Заметно различаясь в деталях, все они сходятся в сути. Стоит лишь заметить, что В. Севский был, куда в большей степени журналистом, нежели исследователем-историком. Статьи его отличаются пафосом, максимальным количеством деталей и подробностей, но далеко не всегда автор ссылается при этом на источники информации.

Следует также отметить, что Виктор Севский – это псевдоним, под которым публиковал свои работы донской журналист В.А. Краснушкин, расстрелянный большевиками летом 1920 г.

²³ Позже распространились слухи, что Волошинов по тому, как был расположен текст на документе, заключил, что все они будут расстреляны.

Грянул недружный залп, все попадали. Убитых раздели, оставив на телах лишь бельё. «Караул» поспешил удалиться.

Но не все были мертвы. Волошинову пуля попала в бедро, он лишь потерял сознание. Кто-то из красногвардейцев проколол ему руку штыком, но Волошинов не подавал признаков жизни и его, как и остальных, посчитали убитым. Лишь через час с небольшим Волошинов пришёл в себя. Вокруг лежали бездыханные тела, и он пополз к ближайшему дому. Город был рядом. Вскоре Волошинов нащупал калитку, которая, к счастью, оказалась не заперта. Ему удалось добраться до крыльца и взобраться по ступенькам к двери.

Волошинов постучал. Через некоторое время дверь отворилась. Хозяйка дома, женщина средних лет, спросила, кто он. Волошинов назвал себя и попросил воды. Его не впустили в дом, дали лишь напиток. Волошинов понял, что здесь его не укроют. Он пояснил, что тяжело ранен, показал расплывшееся пятно крови на боку и обратился к хозяйке с просьбой позвать родных.

– Не буду я звать никого, – ответила женщина. Отказалась она и накрыть чем-нибудь замерзающего на её крыльце человека.

Дверь захлопнулась. Волошинов стонал некоторое время, потом, вновь впал в забытие.

Поведение хозяйки дома²⁴ вряд ли может быть оправданным, но оно вполне объяснимо. Помоги женщина Волошинову, она, без сомнения, рисковала поставить под угрозу своё благополучие, а возможно, и жизнь. Как и всегда, одни предпочитали оставаться несмотря ни на что людьми, другие же, отбросив показную респектабельность, заботились исключительно о собственной шкуре.

В целом обыватель, шокированный происходящим, в эти первые дни склонен был винить во всех своих бедах исключительно проигравших. Открыто возмущаться творившимся произволом, было себе дороже. Вскоре всё изменилось с точностью до наоборот, но Волошинов этого уже не увидел.

²⁴ Фамилия женщины – Парапонова.

Под утро он пришёл в себя и вновь постучал в дверь. Попросил карандаш и бумагу, написать семье последнюю записку. Ему и в этом было отказано. На улице собирался между тем народ. Все смотрели на распростёртое в одном белье тело, переговаривались между собой, но ни один и не подумал помочь. Хозяйка, решив, что теперь уже наверняка кто-нибудь да донесёт, поспешила сделать это сама. Обойдя Волошинова, она вышла со двора.

Вскоре прискакали три казака-красногвардейца, успевших уже привести во исполнение не один расстрельный приговор.

– Где он? – крикнул один.

– На крыльце... – указала хозяйка.

Волошинов закрыл руками лицо.

– Прими руки! – Волошинов подчинился. Один из казаков снял винтовку, выстрелил в упор, пробив пулей правое лёгкое. Его за ноги потащили с крыльца к месту казни. Голова Волошинова билась вначале о ступени крыльца, затем, о покрытие мостовой. На лицо налипла грязь и кровь. Чуть поодаль шли любопытные.

Бросив тело рядом с остальными, казаки ушли. Но толпа завак продолжала рассматривать трупы. Волошинов вдруг поднялся и сел. Он был ещё жив, но вряд ли способен говорить или двигаться. От толпы отделился кто-то и побежал в милицию. Через час пришли три вооружённых рабочих завода Фаслера. Один поднял револьвер и выстрелил Волошинову в лицо. Пуля попала в глаз, раскроив череп. Первый выборный Атаман войска Донского, председатель разогнанного Круга, скромный артиллерийский офицер и автор романсов Евгений Андреевич Волошинов свои расчёты с земной жизнью произвёл.

Позже расстрелянных на дрожках отвезли в морг, откуда тела были выданы родным и близким. Лишь Атамана Назарова доставили на кладбище и похоронили дочь генерала И.П. Астахова Анна и сестра его жены.

Жена Волошинова приходила потом к Парапоновой и спрашивала об обстоятельствах гибели мужа. Та запинаясь вначале, но судя по всему считала, что поступила весьма здраво.

– Ваш муж мне кровью провонял крыльцо... – сказала она напоследок²⁵.

На следующий день власти заявили, что все семеро были убиты при попытке к бегству. Все, конечно, понимали, насколько это заявление было далёким от действительности. «Вздорность и нелепость подобного заверения, – пишет И.А. Поляков, – усугубляется тем, что среди многочисленного конвоя²⁶, сопровождавшего арестованных, было много вооружённых конных, каковым не составляло бы никакого труда догнать бегущих».

Приказ расстрелять этапиремых, не доводя их до тюрьмы, если таковой и существовал, был отдан красногвардейцам в устной форме. Выявить отдавшего его человека по прошествии стольких лет, по-видимому, невозможно. Вместе с тем, со слов Полякова известно, что распоряжение о переводе арестованных с гауптвахты было выдано Донским ВРК. Остаётся предположить, что решение расстрелять их при конвоировании, также созрело в недрах именно этого учреждения. И всё, что мы знаем о людях, его возглавлявших, и о развитии последующих событий, это предположение отнюдь не опровергает²⁷.

²⁵ Когда Новочеркасск был занят восставшими казаками, Парапонову по приговору военно-полевого суда расстреляли.

²⁶ Конвой состоял из 22-х красногвардейцев, рабочих и шахтёров, и 3-х казаков. К тому же, если Назаров, Волошинов, Груднев и Ротт только лишь достигли среднего возраста и были людьми крепкими, то об остальных этого не скажешь. Даже и внешне Исаев и в ещё большей степени Усачёв и Тарарин выглядели почтенными старцами. Бежать они не могли физически.

²⁷ С определённой долей вероятности можно обозначить и конкретных лиц. Сырцов, Подтёлков, Медведев (который, как комендант, обязан был подобрать и проинструктировать конвой) – вот те люди, которые *вернее всего* стоят за гибелью Назарова, Волошинова и пятерых их товарищей.

Знал ли обо всём этом Голубов? Бугураев считал, что – да, знал. Вот его слова: «Может быть, *да и вероятно*, об этом знали Голубов и Смирнов, но они не хотели, *да и не могли бы* этому помешать...» Всё же думается, Голубова о задуманном не уведомили. Уже хотя бы, исходя из того, чтобы лишний раз подчеркнуть: новая власть вынуждена мириться с его существованием, но, как официальное лицо, он для неё не существует.

В. Севский пишет о разговоре, *якобы* состоявшемся после расстрела А.М. Назарова и других генералов и офицеров у Голубова с Подтёлковым:

«Когда об этом узнал Голубов, он опять зарыдал и побежал к Подтёлкову.

– Ты мне город залил кровью, палач!

Подтёлков только усмехнулся:

– Чудак, ваше благородие... А тебе жалко?»

Днём на гауптвахте казаки караула говорили арестованным офицерам, что, если бы знали, что ждёт Назарова и остальных, не выдали бы их красногвардейцам. Они даже не догадывались, как скоро придётся доказывать свои слова на деле.

19 февраля (4 марта) в полдень, как и всегда, на площади перед гауптвахтой происходила смена караула. На службу заступали казаки 10-го Донского полка, менявшие казаков 27-го. В это время, повернув от Московской улицы, к площади двинулась внушительная толпа, состоявшая в основном из солдат. Раздававшиеся угрожающие выкрики и призывы не оставляли сомнений: идут за оставшимися офицерами.

Команду над всеми находившимися перед гауптвахтой казаками принял начальник старого караула – урядник 27-го Донского полка. Толпа приблизилась, заполнив собой Платовский проспект. Все понимали, попади арестованные офицеры в руки солдат, их растерзали бы на клочки.

Казаки рассыпались в цепь, расстёгивая подсумки с патронами. Трубач протрубил тревогу. Начальник нового караула – урядник 10-го полка развернул в сторону солдат пулемёт. Три его казака пересекли проспект и выдвинулись на угол Соборной площади. Стало вдруг тихо, лишь слышно было, как отрывисто и громко, чтобы слышали все, отдавал команды урядник 27-го полка: «Без моей команды огня не открывать... Патрон боевой. Всем зарядить винтовки... Пулемётчикам – вставить ленты...»

Видя приготовления и самые серьёзные намерения казаков, толпа остановилась. Но задние ряды продолжали напирать, и солдаты в голове её волей-неволей стали вновь подаваться вперёд. До гауптвахты оставалось не более 130–150 шагов²⁸.

– Трубач – тревогу! – снова командовал урядник и добавил значительно. – Винтовки – на руку!

– Движение вперёд – огонь открою сразу! – выкрикнул он последнее предупреждение.

²⁸ В этот момент несколько арестованных офицеров-пулемётчиков предложили внутреннему караулу разрешить им стать за наводчиков у казачьих пулемётов, на что кто-то из унтер-офицеров ответил:

– Не беспокойтесь. У нас хорошие, опытные пулемётчики, и мы вас не выдадим...

Толпа наконец стала и дальше не продвигалась. Народ зашумел, но с места никто не сдвинулся. Урядник предложил, чтобы выслали парламентёров. Вновь слышались угрозы, однако несколько выборных подошли. Требование было понятным: выдать «контрреволюционных офицеров». Урядник в ответ заявил, что подобные лица среди арестованных не значатся, и что с гауптвахты он не выдаст ни одного человека. И, указывая на изготовившихся к стрельбе казаков, посоветовал расходиться. В ответ раздалась площадная брань, но порыв уже угас. Далеко не все были готовы ради расправы с арестованными подставлять себя под пулю. Немало, конечно, нашлось среди солдат и таких, в ком действия казаков, готовых защитить своих боевых командиров, пробудили совесть.

По одному, по двое люди уходили из задних рядов по боковым улицам. Прошло некоторое время, и толпа рассеялась.

– Вынь патрон... Трубач – труби отбой, – командовал урядник. Тем не менее старый караул 27-го Донского полка оставался на гауптвахте и покинул её только лишь с наступлением темноты.

Казаки, вне всякого сомнения, спасли в этот день многие жизни. Удивительно, но уцелели как раз те, кто находился под арестом и ожидал для себя самого сурового исхода. И наоборот, избежавшие заключения могли убедиться в том, что собственный дом не может служить им надёжной защитой²⁹.

Своего отношения к тому, что «инициатива снизу» встретила со стороны казаков открытый и решительный отпор, власти не обозначили. Вероятно, в Донском ВРК посчитали, что расклад сил не таков, чтобы пойти на открытую конфронтацию³⁰

²⁹ В частности, 20 февраля (7 марта) были арестованы и в тот же день расстреляны полковники Князев и Поляков и капитан Лемешев. Все они были боевыми офицерами, лишь незадолго до этого вернувшимися с фронта к семьям.

Вскоре число производимых арестов и расстрелов начало постепенно сокращаться. В первых числах (в середине) марта Бугураев, как и большинство арестованных офицеров, по решению Военно-революционного трибунала, был освобождён.

³⁰ В Голубовской «дивизии» поначалу насчитывалось до 500 сабель. К тому же боевые части большевиков покидали Дон. В городах оставались лишь гарнизоны.

и сделали вид, что ничего особенного не случилось. Ту же позицию занял и Голубов. Он всё ещё надеялся удержать свою долю власти. К тому же и Дон ещё не поднялся, что исключало для войскового старшины иные варианты действий.

Неизбежно возникает вопрос: отчего и с какой целью проводились на Дону столь жестокие, во многом бессмысленные и явно не пошедшие на пользу Советской власти репрессии?

Ключевую роль сыграла, без сомнения, сама, оказавшаяся на беду эффективной, идея взорвать всё изнутри, натравив многочисленные обездоленные войной слои населения на меньшинство относительно благополучных, сохранивших законопослушность граждан. Практическое её применение не могло не вызвать ужасающих прямых и побочных, сиюминутных и долговременных последствий.

Но ответ не может быть однозначным. Слилось воедино всё. Идеологическая нацеленность центра на ущемление, зачастую и избиение имущих классов и всех тех, кто мог стать на их защиту. Опора исключительно на беднейшие, нередко люмпенизированные слои, целенаправленное разжигание классового антагонизма среди различных групп населения. Весьма низкий уровень социальной грамотности и культурного уровня масс, вовлечённых в гражданское противостояние. Ожесточённость предшествующих боёв и накопившаяся ненависть к противнику, пусть даже и поверженному. Не в последнюю очередь – отсутствие каких-либо органов правопорядка и обстановка полнейшего произвола³¹. Убеждённость властей и большинства советских начальников, не говоря уже о солдатах, в том, что офицеры, взявшие в руки оружие, а зачастую и не бравшие, остаются врагами новой власти. Будущее их выступление оста-

³¹ «Яркую вспышку негодования, – пишет Поляков, – вызвало безобразное убийство среди белого дня трёх офицеров – мужей трёх сестёр – дочерей известного Новочеркасского старожила ген. Пименова. Произошло это уже тогда, когда всем казалось, что бессмысленный террор прошёл и расстрелы прекратились.

Под каким-то предлогом офицеров вызвали в комиссариат (участия в гражданской войне, как мне было известно, они не принимали), а через час после этого в дом явился комиссар и цинично заявил, что произошла небольшая ошибка и их мужья расстреляны по недоразумению».

ётся лишь вопросом времени, и пресечь его лучше всего в зародыше³².

И главное, отчётливое понимание того факта, что все эти люди вольно или невольно оставались носителями прежних идеологических и нравственных ценностей, которые с новой властью конечно же были несовместимы.

Массовый характер репрессий косвенно подтверждают и следующие слова Антонова-Овсеенко: «В Ростове чувствовалась ещё разладица. В городе кое-где раздавались провокаторские выстрелы, ночью доходило до беспорядочной ураганной стрельбы. В Штабе Сиверса открылся импровизированный Ревтрибунал, который жестоко расправлялся с белогвардейцами, захваченными с оружием. Обывательская молва в тысячу раз преувеличивала *эту расправу*. Рупором этих сплетен явились меньшевики в совете депутатов во главе с тов. Васильевым. Этот господин истерически вопиял о том, что большевики-де расстреливают гимназистов, кадет и других «неповинных детей», творят грабёж и всяческие насилия. Военно-Революционный Комитет, *составленный из неособенно твёрдых товарищей*, не находил смелости резко порвать с меньшевиками и проявлял склонность поддержать их протест против наших «зверств». Такое настроение Ревкома воздействовало на кой-кого из наших боевых товарищей. Товарищ Е. Трифонов, комиссар первого Петроградского красногвардейского отряда, подзуженный этим обывательским нытьём, выступил в Совдепе с обличительной речью против бесчинства и бессудных расстрелов, творимых отрядом Сиверса. Это выступление было восторженно встречено меньшевистско-соглашательской частью совдепа. Васильев облобызал Трифонову, но общее собрание Петроградского отряда резко осуди-

³² Перебравший вслед за войсками из Каменской в Новочеркасск Областной ВРК уже 13(26) февраля выпустил программный манифест, в котором, в частности, говорилось: «...первой и очередной задачей нашей в настоящий момент является борьба с контрреволюцией». Второй по важности задачей была «экономическая». 16 февраля (1 марта) Донской ВРК обложил капиталистов Ростова и Новочеркаска «налогом» в размере 10 млн руб.

ло поведение своего комиссара и постановило о предании его товарищескому суду...»³³

Этот случай наглядно продемонстрировал, что вступаться за кого бы то ни было – себе дороже. Неудивительно, что о других попытках заступничества, источники умалчивают.

Все эти неприглядные проявления разворачивающейся классовой войны сконцентрированы были в основном в крупных городах и населённых пунктах. В отличие от Кубани на Дону крестьяне и казаки традиционно селились отдельно друг от друга. Не в последнюю очередь из-за этого и конфликты между разными социальными группами здесь случались куда реже и не носили столь ожесточённого характера. К тому же новая власть, утвердившаяся в городах, столкнулась со столькими проблемами, что развернуть какую-либо значимую работу в сёлах и станицах просто не успела.

Отсутствовал и главный катализатор массового развёртывания Красной гвардии вне городов – оседания крупных солдатских формирований на Дону не случилось.

Поэтому казаки и крестьяне и после падения Новочеркаска поддерживали давно сложившееся равновесие и без крайней нужды старались не задевать друг друга. Известны, конечно, случаи передачи оружия крестьянам и расстрелов казачьих офицеров в станицах, но все они *в этот период* обусловлены были скорее субъективными факторами и носили единичный характер.

Не следует также думать, что всё свелось исключительно к репрессиям. Находились, конечно, и подвижники, самоотверженно пытавшиеся и в первые дни, и позднее хоть как-то восстановить разрушенный жизненный уклад. Но в условиях,

³³ Этим делом не ограничилось. 16 февраля (1 марта) приказом военного комиссара Войцеховского «за натравливание одной части населения на другую и за контрреволюционное направление» была закрыта газета меньшевиков «Рабочее дело» (справедливости ради следует отметить, что меньшевики переименовали свою газету в «Рабочее слово» и ещё какое-то время продолжали её издавать). На следующий день Ростовский ВРК распустил городские думы Ростова и Нахичевани. Но на прошедших выборах в Ростово-Нахичеванский Совет меньшевикам по традиции всё же удалось собрать значительное количество голосов.

когда стимулы торгово-закупочной деятельности были уничтожены, а о безопасности не приходилось и говорить, трудно было насытить товарами прилавки открытых в приказном порядке магазинов. Развернувшаяся борьба со спекулянтами приводила лишь к росту цен на мгновенно возникшем «чёрном» рынке.

Активно проводилась агитационная и культурно-просветительная работа. Но на катастрофическое падение уровня жизни и она никоим образом повлиять не могла.

15 (28) февраля Антонов-Овсеенко вернулся в Ростов, и в тот же день пришла из центра безнадежно запоздавшая телеграмма, содержащая директивы для переговоров с представителями Круга:

«Ростов/Дон. Антонову из Петрограда № 1220, 28/II – 1918 г. 14 ч. 40 м.

Наш горячий привет всем беззаветным борцам за социализм, привет революционному казачеству. В ответ на вашу телеграмму из Новочеркаска, сообщаем, – пусть уполномоченный съезд городских и сельских советов всей Донской Области вырабатывает сам свой аграрный законопроект и представит на утверждение Совнаркома. Будет лучше. Против автономии Донской Области ничего не имею. Географические границы этой автономии должны быть определены по соглашению с населением смежной полосы и автономной республики Донецкого бассейна. Послать к вам делегата не можем, здесь все заняты по горло. Просим вас представлять Совнарком или назначить кого-либо по вашему выбору.

Ленин. Сталин»

Как видно, даже и речи не шло ни о «невхождении» советских войск в Новочеркасск, ни о сохранении каких-либо атрибутов атаманской власти. Само понятие «Войсковой Круг» выводилось из употребления и заменялось термином «Советы». Впрочем, к этому времени пришедшие директивы уже не играли существенной роли, так как падение Войскового правительства стало свершившимся фактом. И Круг, при всём желании,

не мог теперь решать какие бы то ни было вопросы, так как его уже не существовало.

Однако и Антонову-Овсеенко не удалось принять участие в разворачивающемся социалистическом строительстве. 19 февраля (4 марта) он получил из Смольного телеграмму³⁴ и в тот же день выехал в Харьков. Вскоре им даны были предписания: Саблину сосредоточиться в районе Харьков – Полтава, Сиверсу проследовать к Курску, 4-й кавалерийской дивизии, Сибирской артиллерийской бригаде и тяжёлому артдивизиону оставаться в Харькове и ждать дальнейших указаний.

Войска спешно оставляли Ростов³⁵.

³⁴ «Мне предлагалось, – пишет Антонов-Овсеенко, – *вспомнив свою подлинную фамилию*, поступить в распоряжение Нарсекретариата Украины для командования всеми войсками против германо-австрийского нашествия».

³⁵ Боевая судьба отрядов и советских командиров, воевавших на Дону, сложилась по-разному.

Саблину предписано было сосредоточить части в районе Харьков – Полтава. 5(18) марта он был назначен командующим 4-й армией. С самого начала силы его были ничтожны, и по мере отхода на восток, таяли с каждым днём. 16(29) марта остатки армии сдали Полтаву и отошли на левый берег Ворсклы. Вскоре армия была расформирована. Оставшийся без войск Саблин в апреле был назначен военкомом Московского района Западного участка отрядов завесы. Участвовал в левозерновском выступлении (возглавил так называемый «Штаб обороны партии»). После его разгрома был приговорён трибуналом к 1 году тюрьмы, но амнистирован ВЦИК. В декабре 1918 г. командовал партизанскими отрядами в районе Харькова.

Войска Сиверса были направлены к Курску. Сам он со штабом прибыл в город 25 февраля (10 марта) и вступил в командование вновь создаваемой 5-й армией. В конце марта (середине апреля) между Путивлем и Ворожбой немцы нанесли Сиверсу чувствительное поражение. Отряды охватила паника. Бросая эшелоны и артиллерию, они откатились к Курску. «На линии Коренево – Курск, – извещал Сиверс Антонова-Овсеенко, – имею *боевых* 50 ч. пехоты и 40 ч. кавалерии, *больше ничего*, ответственности за боевой участок нести не в состоянии». Боевые действия на этом направлении вскоре прекратились, и Сиверс со штабом был переброшен под Харьков. Окончание боевых действий застало его в должности командующего 2-й (особой) армии, прикрывавшей Валуйки. Немцы, продвигавшиеся от Харькова на восток, активности на направлении, прикрываемом 2-й (особой), не проявляли. Лишь в середине (конце) мая, не согласившись с предложенной Воронежским совдепом демаркационной линией, они вытеснили части Сиверса к северу и востоку от Валук. С лета Сиверс командовал Особой бригадой, развёрнутой впоследствии в 1-ю Украинскую особую бригаду 9-й армии Южного фронта.

Этими же днями в город прибыл из Новочеркасска Донской Областной Военно-Революционный Комитет, который и взял вскоре значительную часть властных полномочий в свои руки³⁶. На состоявшемся 23 февраля (8 марта) закрытом заседании был сформирован президиум ВРК³⁷ в следующем составе:

- председатель Ф.Г. Подтёлков;
- заместитель председателя С.И. Сырцов;
- товарищи председателя И.А. Ермилов, М.Е. Власов, И.Д. Ченцов;
- секретари М.В. Кривошлыков, И.А. Дорошев.

4-й кавдивизии предписано было выдвинуться к Харькову и ждать дальнейших указаний. Указания были – проследовать в Курск и оттуда на фронт. Однако дивизия приказа не выполнила. Остатки её полков обошли город стороной и двинулись «для переформирования» в глубь России. На требование Курского Ревштаба выступить на фронт, конники заявили, что если их попросят задержать, дивизионная артиллерия обстреляет город.

4-я Сибирская артбригада демобилизовалась сразу же. От двух её батарей осталась лишь материальная часть и до 10 человек прислуги.

4-й латышский стрелковый полк идти в Харьков отказался и самовольно проследовал из Ростова в Воронеж.

Красногвардейцы Гатчинского отряда Левинсона заявили, что выступать на Украинский фронт отказываются наотрез и потребовали немедленного возвращения в Петроград.

13-й артдивизион в составе группы Г.И. Чудновского был окружён немцами у ст. Огульцы и после ожесточённого сопротивления 25 марта (7 апреля) уничтожен...

Время случайно набранных красногвардейских отрядов уходило безвозвратно. И если бы большевистские лидеры уже весной этого не осознали, их ждал неминуемый крах.

³⁶ 22 февраля (7 марта) на объединённом заседании Совета рабочих депутатов, фабрично-заводских комитетов и правления профсоюзов Подтёлков говорил: «...мы оставили Новочеркасск, который пришёлся нам не по духу, и пришли в Ростов, где у нас больше сочувствующих... Я, товарищи, никогда не имел дела с политикой. Но я теперь большевик потому, что большевики это те, кто защищает трудовой народ и кто стоит за братство и равенство. У нас много полков, на которые мы опираемся, сколько их, не могу сказать потому, что я человек с военными способностями, по службе был отличен и стратегию знаю. Нас хватит на всё...»

³⁷ Вновь созданный Областной Военно-революционный комитет размещался в Ростове, в «Палас-Отеле», расположенном на углу Таганрогского (ныне Будённого) проспекта и Скобелевской (ныне Красноармейской) улицы. В настоящее время здание занимает Городская больница № 8.

Создавались также и отделы³⁸.

По сути, образовывалось правительство несуществующей ещё Донской автономии. Аналогичным образом предполагалось организовать власть и на местах. Приказом № 4 ВРК регламентировал структуру и организацию Советской власти на местах³⁹.

³⁸ «Начались *попытки* творческой работы по организации нового строительства, по ликвидации анархии и по очищению области от остатков календинщины, – пишет Борисенко. – Для управления областью Военно-Революционным Комитетом были организованы следующие отделы: Управления, Военный, Совет Народного Хозяйства, Финансов, Земельный, Путей сообщения, Народного образования, Юстиции, Врачебно-санитарный, Труда, Почт и телеграфа, Общественных недвижимых имуществ, Продовольствия».

³⁹ «С упразднением старой отжившей власти, не отвечающей интересам трудящихся, – говорилось в приказе, – Донской Казачий Военно-Революционный Комитет предписывает всем округам, станицам, волостям, хуторам, сёлам и посёлкам немедленно приступить к организации Советов на местах согласно нижеприведённой инструкции.

1. Хуторской атаман, сельский староста или Комитеты, если таковые имеются, созывают хуторской, сельский сбор с участием всех лиц обоего пола, достигших двадцатилетнего возраста.

Сбор выбирает из своей среды местный хуторской сельский Совет Казачьих, Крестьянских и Рабочих депутатов, по расчёту одного представителя на каждые двадцать пять человек...

В Советы не могут быть избираемы и избирателями лица, не стоящие на защите прав трудового народа, например: попы, купцы, старые полицейские, жандармские чины и офицеры, не стоящие в рядах революционной армии.

Советы выделяют из себя Исполнительный Комитет в составе 7–9 человек и более...

Исполнительный Комитет выделяет из себя президиум, т.е. председателя, товарища председателя, секретаря и казначея, на который возлагается исполнение всех постановлений Исполнительного Комитета и Совета...

Исполнительный Комитет о всех своих действиях даёт отчёт общему собранию Совета...

2. Хуторские и сельские советы посылают своих представителей на станичные и волостные съезды Советов по расчёту одного представителя на 300 человек населения...

3. Станичные и волостные съезды Советов посылают своих представителей на окружные съезды Советов по расчёту одного представителя от каждого трёх тысяч населения избирателей...

4. По созданию на местах Советов, все существующие доселе Управления упраздняются.

5. Все отделы Советов независимо от выборов имеют право приглашать в отделы опытных лиц, которые работают под контролем отдела.

6. Впредь до созыва Областного Съезда Советов все Советы избираются на неопределённый срок с правом отзыва депутатов их избирателями во всякое время.

Как и любая власть, Областной ВРК старался упрочить своё положение, для чего спешил решить следующие задачи:

– слом старого административно-хозяйственного аппарата

Председатель Подтёлков.

Секретарь Кривошлыков.

Прилагается приблизительная рассмотренная схема отделов.

1) *Юридический отдел*. В основу организации этого отдела можно взять технический аппарат упразднённых судов со всеми средствами, имуществом и служебным персоналом...

При юридическом отделе и под его контролем и руководством организуются суды, трибуналы и т.п. в городе и уезде...

2) *Финансовый налоговой отдел*...

3) *Продовольственный отдел*...

4) *Отдел промышленности (Рабочая секция)*. Все учреждения, какие до сих пор имели отношение к промышленности, инспекции и т.п., подчиняются этому отделу...

5) *Военный отдел (Казачья и солдатская секция)*. Военному отделу подчиняются все войсковые части, расположенные в районе той области, которой управляет Совет. Военным отделом утверждаются командные должности...

6) *Народное образование*...

7) *Культурно-просветительный отдел*... Средства культ. просвет. отдела образуются из обложений, сборов и конфискации.

8) *Отдел охраны*. Весь аппарат милиции и все средства передаются в распоряжение этого отдела. Охрана уезда или губернии относится за счёт отдела по крестьянским делам (прежнего земства). Охрана города – за счёт отдела по городским делам (прежняя город. дума и управа). Отдел охраны делится на 2 коренных подотдела: 1) городской и 2) уездный. Каждый подотдел выделяет специальные столы: 1) борьба с самогоном и пьянством; 2) борьба с контрреволюцией; 3) с воровством и мародёрством; 4) с спекуляцией и т.д.

а) Все протоколы отдел охраны направляет в следственный подотдел юридического отдела, куда и передаётся арестованный.

б) Все комиссары городские и уездные, а также и губернские, должны быть переименованы в заведующих подотделов отдела охраны и подчинены Совету. *При нежелании их подчиниться Советской власти, они смещаются и заменяются другими...*

В порядке внутреннего управления Совета Р. С. и Кр. Депутатов организуются следующие общие отделы: 1) экспедиция; 2) управление делами Совета (при президиуме); 3) секретариат; 4) бухгалтерия и казначейство; 5) хозяйственный отдел.

Такова может быть и должна быть схема организации аппарата Советской власти на местах, в меньшем или большем размере, с той или другой разницей, за исключением или прибавлением тех или иных отделов, в зависимости от положения данной местности; *всё равно, схема должна быть одна...*»

- (при этом планировалось подчинить и по возможности использовать отдельные его структуры);
- подчинение вновь образуемым Советам оформившихся в ходе гражданского противоборства «революционных» властных структур (комиссары, комитеты);
 - отстранение от выборов и участия в политической жизни слоёв и отдельных лиц, которые могли быть враждебны новой власти;
 - концентрация в руках Советов всей полноты власти⁴⁰;
 - наведение элементарного порядка, борьба с бандитизмом и анархистскими проявлениями;
 - подготовка созыва Областного съезда Советов, большинство депутатов которого симпатизировали бы новой власти.

Другое дело, что из задуманного удалось воплотить в жизнь далеко не всё, но многое в свете скорейшего становления новой власти выглядело весьма здравым, а начинания ВРК энергичными и целеустремлёнными.

«Этот приказ, подробно освещающий замысел областной власти о системе организации средних и низовых звеньев Советского аппарата, конечно, не был проведён в жизнь на местах, – пишет Борисенко, – он интересен как документ, характеризующий подход к советскому строительству первых органов власти – Военно-Революционных Комитетов...»

С его словами трудно не согласиться. Но при этом не стоит забывать, что в своей деятельности Донской ВРК, претендующий на всю полноту власти в Области, именно принятыми программными документами и руководствовался.

⁴⁰ Следует отметить, что с самого начала отбрасывался принцип разделения властей. Советы, как представлялось, должны были объединить в своём лице три ветви власти: исполнительную, законодательную и судебную.

Даже и воинские части, находящиеся на территории Области, предполагалось в той или иной мере подчинить Донскому ВРК.

8.2. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

15(28) февраля в «Известиях Революционных войск», печатном органе штаба Народного комиссара по борьбе с контрреволюцией за подписью самого Антонова-Овсеенко было опубликовано следующее сообщение: «...из Раздорской остатки добровольческой армии бежали к ст. Аксайской, где соединившись с остатками, отступавшими из Ростова и Нахичевани, отрядов пытаются по шоссе через станицу Ольгинскую перебраться на Кубань к Екатеринодару, занятому дикой дивизией. *Преследование корниловцев организуется*».

Даже и мобилизация необходимых для этой задачи сил и средств натолкнулась на определённые трудности. Само же преследование отошедших на левый берег добровольцев продолжалось несколько дней, оказалось делом непростым и к чему-либо значимому не привело.

Добровольческая армия ушла из Ростова и, никем не преследуемая, переправилась через Дон в станицу Ольгинскую. Несмотря на победные реляции, советское командование особых иллюзий не питало: добровольцы не разбиты, сохранили боеспособность и высокий боевой дух. А главное, вряд ли будут оставаться пассивными. Понимание того, что покончить с Корниловым необходимо как можно скорее, имело место. Но сделать это теперь было не так-то просто.

Подтягивать резервы по железным дорогам и создавать значительные группировки на направлении главного удара и Саблин, и Сиверс, надо отдать им должное, научились. Когда же противник ушёл в сторону от основной магистрали, сразу же возникли проблемы. Однако не только и не столько это обстоятельство затрудняло возобновление активных боевых действий. Как представлялось, с занятием Ростова и Новочеркаска с противниками Советской власти на Дону будет покончено раз и навсегда. То, что этого не произошло, для пошедших с большевиками фронтовиков явилось неожиданным и неприятным сюрпризом. И в условиях объявленной демобилизации Старой